

УДК 94 (571.54)

Торговое предпринимательство в городах Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX в.

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Исследуется становление торгового предпринимательства в городах Байкальской Сибири. Рассмотрены процессы зарождения региональных торговых связей и степень вовлеченности городских экономик в межрегиональные рыночные отношения. Проанализированы основные формы торгового предпринимательства: развозная, ярмарочная, стационарная торговля. Доказано, что преобладающей в рассматриваемое время была ярмарочная торговля. Ярмарки Байкальской Сибири выстраивались в сложную ярмарочную цепочку, которая, с одной стороны, создавала механизмы насыщения рынка необходимыми потребителю товарами и вывоза местной продукции в другие районы, с другой стороны, была связана со всероссийским рынком и распределяла потоки товаров в северные районы, на Дальний Восток и сопредельные азиатские страны. Прослежена постепенная смена ярмарочных механизмов более прогрессивными элементами магазинно-лавочной торговли и роль Иркутска как крупнейшего товарораспределительного центра всей сибирской торговли. Развитие торгового предпринимательства оказало влияние на формирование торговой инфраструктуры городов региона, центрами которых становятся деловые кварталы, гостинодворские и рыночные площади.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Иркутск, купечество, гостиный двор, торговля, ярмарки, рынок, товары.

В сибирской историографии единодушно отмечается ведущая роль торгово-предпринимательской деятельности в экономике города. Но, несмотря на достаточно солидное количество исследований, многие аспекты сибирской коммерции изучены недостаточно полно, а некоторые лишь обозначены. Слабо разработаны вопросы торговой инфраструктуры и специализации городов Сибири, мало прослежена роль внутренней торговли в формировании общесибирского рынка, влияние ее на городское население [28]. Заметным вкладом в развитие темы стал труд Д. Я. Резуна и О. Н. Бесединой, новизна которого проявилась, прежде всего, в постановке проблемы. Авторы задались целью не просто изучить динамику торговых оборотов и ассортимент товаров сибирских городских рынков, но «представить торговлю как определенный ритм, как образ жизни сибирского горожанина» [19, с. 6]. В последние

годы появились обобщающие исследования, затрагивающие различные аспекты торгового предпринимательства Байкальской Сибири [10; 18; 33].

В экономической жизни дореформенной Байкальской Сибири торговые отношения играли особую роль. По мере развития промысловой колонизации, роста городских поселений и вообще российского населения шел процесс формирования местных сибирских торговых связей. Пушные ресурсы Сибири и торговля «мягким золотом» постепенно включали Байкальскую Сибирь в общесибирский товарооборот, делая неотъемлемой частью России. Развитию торговли содействовали также значительные природные различия сибирских территорий, неодинаковая степень их освоенности, наличие самобытного хозяйственного потенциала аборигенного населения, близость к границам Средней Азии, Монголии и Китая. Важнейшим торговым и товарораспределительным центром региона с конца XVII в. становится Иркутск. Через него проходила вся торговля с Якутской областью, Забайкальем и Приамурьем.

Сердцевиной торговой жизни города являлся гостиный двор с одиннадцатью лавками, но они не справлялись с объемом торговых операций. Уже в 1681 г. торговавшие в Иркутске приказчики гостей Е. Филатьева, С. Лузина, И. Ушакова и другие торговцы просили расширить помещения на местном гостином дворе и построить новые лавки, погреба, а также избы для жилья. Особенно оживлялось торговое движение в марте, когда в Иркутск прибывали обозы с российскими товарами и пушниной. Как отмечал один из торговцев в 1697 г., «как зачался быть Иркутской, такова иногородним купецким людям в приезде многолюдства и на хлеб и на скот и на харчи и на сено и на дрова никогда не бывало такой дорогой цены» [5, с. 306]. Главную роль в развитии торговли играли в этот период иногородние купцы. Через них и их приказчиков и сидельцев Иркутск поддерживал связи с большим числом торговых центров страны, прежде всего Устюгом, Яренском, Сольвычегодском, Тобольском, Енисейском. Из Иркутска товаропотоки распределялись на Лену, в Забайкалье, в города и слободы Иркутского и Илимского уездов.

Данные таможенных книг позволяют определить ассортимент товаров, вывозимых на Лену и в Забайкалье. Из Иркутска вывозили пушнину, «русские товары», китайские шелковые и хлопчатобумажные ткани. К примеру, в 1688 г. В. Давыдов, лавочный сиделец гостя А. Филатьева, вывез из Иркутска большую партию товаров в Удинск и Нерчинск на сумму в 617 руб. Среди его товаров были грубое и сермяжное сукно, сафьян, кумачи, миткаль, кушаки, вязаные чулки, попоны, зеркала ярославские, воск, мед, кремни, медные изделия и др. В небольших размерах из Иркутска в Забайкалье поступала продукция местного производства: железо, соль, рыба, хлеб и мука, слюда, кожи, мыло, рогатый скот и лошади.

В начале XVIII в. в иркутском посаде появляются мелкие торговцы, производящие развозную торговлю в пределах уезда. Некоторые из них нанимались в приказчики и лавочные сидельцы к крупным российским и сибирским купцам. Другие курсировали с небольшими партиями товаров от

Иркутска до Енисейска, Илимска, Якутска, Селенгинска, Нерчинска и обратно. Размеры их оборотного капитала, как правило, были невелики, примерно от 100 до 300 руб. Тем не менее такие торговцы участвовали в формировании хозяйственных связей региона. Среди них были не только посадские, но и служилые люди. Так, вкладчик Вознесенского мужского монастыря селенгинский казак Вавила Григорьев разъезжал с товарами между Иркутском и забайкальскими городами и имел состояние в 1 тыс. руб. [13, с. 21]. С начала XVIII в. наиболее выгодные статьи торговли (вином, солью, табаком, хлебом) перешли в руки казны, которая отдавала их реализацию в руки местных торговцев, создавая условия для становления регионального капитала.

Образование устойчивых межрайонных связей содействовало формированию регионального рынка. Вплоть до начала XIX в. можно говорить лишь о развитии местных рынков, основанных на простом товарообмене городской и сельской продукции или на определенной специализации отдельных территорий. Межрегиональные связи были развиты слабее. Например, товарооборот между Западной и Восточной Сибирью сводился лишь к ограниченным статьям сельскохозяйственной продукции и крестьянских промыслов.

В XVIII в. все заметнее становится роль и значение посадского населения, особенно купечества. Если в первые десятилетия в составе горожан Сибири численно преобладал служилый контингент, то уже в первой половине XVIII в. посадский мир города становится ведущей силой в развитии городского хозяйства и торгов. Уже в 1765 г. в предпринимательской сфере участвовало 820 иркутских купцов. Из них 50 были заняты в русско-китайской торговле. Это были наиболее состоятельные иркутяне, капитал которых достигал нескольких десятков тысяч рублей. В эту группу входили Сибиряковы, Ворошиловы, Сизых, Киселевы, Шалины и др. Кроме китайского торга, они имели различные промышленные предприятия, участвовали в освоении тихоокеанских промыслов, являлись крупными откупщиками. Еще семь купцов имели торги на северо-востоке Сибири, остальные участвовали во внутренней торговле региона самостоятельно либо выступая в качестве агентов других купцов. Всего же в городах Иркутской губернии числилось 4711 ревизских душ, состоящих в купечестве. В развитии внешнеэкономических связей было занят 651 человек (13,8 %). [21, л. 164–165]. Еще около 1478 человек (31,4 %) были включены в структуру регионального рынка, обеспечивая развитие торговых связей региона.

В рассматриваемое время на территории Байкальской Сибири были представлены все основные формы торговли: развозная, ярмарочная и стационарная. До середины XVIII в. господствовала караванно-развозная. Торговая жизнь в населенных пунктах оживлялась с приходом купеческих транспортов. Съезды торговых людей происходили почти каждый месяц, но наиболее крупных размеров они достигали осенью, когда через Иркутск транзитом шли купеческие обозы в Кяхту. Разъездной торг в основном заключался в обмене промышленных товаров на продукцию сельских промыслов. Привезенные товары обменивались на пушнину, хлеб, рыбу, кожи. Разъездно-меновая торговля была тесно связана с ростовщичеством. Прак-

тиковалась раздача товаров в долг под будущий урожай или улов. Вообще, следует отметить, что при огромных сибирских расстояниях весь внутренний торг представлял собой постоянное движение товаров от более крупных рынков и ярмарок к мелким торжкам и базарам. К этому необходимо добавить транзитный характер российско-китайской торговли, при которой шло постоянное встречное движение из России к югу Байкальской Сибири и обратно. Таким образом, как отмечала официальная печать, «наша внутренняя торговля имеет характер временной и кочевой, переносящей с одного места на другое громадные массы товаров и заставляющей наших купцов и их агентов находиться в постоянном движении» [6, с. 529].

До поры до времени сложившаяся система внутреннего торгога устраивала иркутское купечество. Однако с ростом его численности и укреплением финансового положения оно начинает более решительно бороться за свое монопольное положение на местном рынке. Еще в 1750-х гг. иркутские купцы отказывались открывать в городе ярмарку, на которую иногородние торговцы могли бы привозить свои товары и продавать их в розницу. И все же устоять перед давлением иногородних конкурентов, прежде всего российских коммерсантов, иркутское купечество не смогло. Многочисленные случаи нарушения приезжими торговцами установленных правил, незаконная торговля вне стен гостиного двора заставили местных предпринимателей пойти на регламентацию сроков ярмарочной торговли. В учреждении ярмарок была заинтересована и администрация края. Иркутские губернаторы получали различные ходатайства об учреждении ярмарочных институтов. С одной стороны, «жаловались забайкальские служащие и военные чины, что они покупают там необходимые вещи дорогою ценою», с другой – от купечества поступали предложения об устройстве ярмарок в различных местах губернии, «чтобы иногороднее купечество привозило товары и продавало из первых рук».

До середины XVIII в. торговля на ярмарках носила нерегулярный характер и была слабо подконтрольна центральной и местной администрациям. Ярмарки в это время возникали во многом стихийно как центры скупки пушнины у сибирских инородцев для последующего формирования в крупные оптовые партии, направляемые на российский и азиатский рынки. Со второй половины XVIII в. ярмарочная торговля получает распространение по всей России, выполняя накопительные, распределительные и транзитные функции в движении товаров, а также формируя местные потребности и спрос. Городовым положением 1785 г. предписывалось во всех городах «учреждать ежегодно одну ярмарку или более». Но далеко не каждый город мог стать центром межрегионального обмена, замыкая на себе все хозяйственные операции. Поэтому ключевых, межрегиональных ярмарок в Сибири было не так много. В первую очередь государство стремилось взять под свой контроль основные центры пушного промысла и торговли, которые в этот период сместились в восточные районы Сибири. В августе 1768 г. последовал указ Сената об учреждении в крупнейших центрах Восточной Сибири – Иркутске, Верхнеудинске и Якутске – торговых ярмарок, действу-

ющих по определенным правилам и в строго обозначенное время. В Иркутске предписывалось установить две ярмарки: осеннюю – с 15 ноября по 1 января и весеннюю – с 15 марта по 1 мая. В остальных городах учреждалось по одной ярмарке продолжительностью не менее двух месяцев. Создание же реальных ярмарочных учреждений произошло только в 1775 г., когда в Иркутске открылась первая официальная ярмарка. Обороты ее были весьма значительны. Уже в конце XVIII в. ее товарооборот достигал 3,7 млн руб., что составляло почти 6 % от общероссийского ярмарочного оборота.

Перечень товаров, поступавших на ярмарки Иркутска, позволяет представить себе потребности и вкусы горожан. На первом месте находились ткани и различные изделия из них. Особенно широк был выбор китайских шелковых и хлопчатобумажных тканей. На втором месте в структуре привоза находились металлы и изделия из них для домашнего пользования и в качестве орудий труда. Из продуктов в Иркутск больше всего привозили мед и хмель, сахар и, конечно, различные сорта китайского чая. Иркутяне могли приобрести и товары из Западной Европы – главным образом некоторые виды тканей, предметы роскоши и сладости. В привозимых товарах заметно преобладали предметы, предназначенные для массового употребления широкими слоями горожан.

Ценным и востребованным товаром на иркутской ярмарке была пушнина, поступавшая из различных мест Сибири: камчатские бобры, коты морские, соболя, лисицы (красные, белодушки, сиводушки островные, сиводушки охотские), бобры обские, белки ленские, илимские, нерчинские, чикойские, горностаи, песцы, рыси, росомахи и т. п. В числе товаров упоминается также мамонтовая и моржовая кость, китовый ус, нерпичий жир.

Наряду с ярмарками, имевшими значение центров внутренней торговли региона, в Иркутской губернии существовало много ярмарок и торжков сельского типа, обслуживающих местный рынок. Транзитная торговля доставляла солидные барыши крупным оптовым торговцам и не могла существенно повлиять на развитие городской экономики. Гораздо большее значение в жизни жителей Байкальской Сибири имела местная торговля. Еще М. Д. Чулков в свое время отмечал, что в Сибири почти в каждой слободе и большом селе бывают ярмарки в тот день, когда церковь празднует свой годовой праздник, так что «по окончанию обедни открываются лавки с разными товарами для подлого народа» [32, с. 67].

Большинство ярмарок Байкальского региона появилось в период с 1810 по 1815 г. вследствие распоряжений иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина. В 1818 г. в Восточной Сибири насчитывалось 57 различных ярмарок и торжков с годовым оборотом почти в 5 млн руб. [23, л. 165–174, 178–180 об.]. Продолжительность их колебалась от одного дня до двух месяцев. Наиболее оживленный торг происходил зимой. На этот период приходилось до 70 % всего привоза товаров. Например, оборот зимней иркутской ярмарки достигал 378 600 руб., а весенней – только 17 тыс. руб. Исключение составляли ленские ярмарки. Они отличались многочисленностью и специализировались на пушной торговле. Кроме уездного центра, торгов-

ля происходила в шести волостях и четырех инородческих родах. Определенных ярмарочных мест здесь не было, и торговля велась на всем протяжении реки с купеческих паузков и барок. Для летней ярмарки время проведения устанавливалось с 10 мая по 1 июля и совпадало с началом навигации на Лене. Кроме того, в мае заканчивался весенний пушной промысел. С конца апреля начинался съезд торговых людей на Качугскую пристань, где издавна существовала преднавигационная торговля. В 1844 г. ее официально узаконили, учредив ярмарку с 25 апреля по 15 мая. Зимняя ярмарка в ленских селениях проходила в декабре – январе в период выхода промышленников и инородцев с осеннего промысла. Обороты летней и зимней ярмарок почти совпадали, с той, правда, разницей, что на первой преобладали привозные товары, а на второй – местная пушнина.

Рост ярмарочной торговли наблюдался на протяжении всей первой половины XIX в. В начале 1830-х гг. в Иркутской губернии действовали уже 34 ярмарки, на которые съезжалось до 15 тыс. торговцев [24, л. 199]. А в середине столетия на территории Байкальской Сибири реально функционировало 93 больших и малых ярмарочных центра. На них поступило товаров на 2 244 088 руб. 32 коп., продано было на 911 199 руб. 32 коп. серебром [25, л. 63]. Справедливости ради следует отметить, что некоторые ярмарки существовали только на бумаге. Нередко распоряжения об их открытии, особенно у инородцев, делались наспех, без учета местных условий и традиционных торговых связей. Так, в 1859 г. из 133 городских и сельских ярмарок Байкальской Сибири действовало не более 75.

Развитие региональных хозяйственных связей, их координация вокруг городских центров и между ними содействовали формированию в городах Байкальской Сибири деловых кварталов. Ядром их обычно становились торговые площади с крупными объемами гостиных дворов, торговых рядов, лавок, рынков, таможенных помещений. Как справедливо замечал Ф. Бродель, «став достоянием городов, рынки растут вместе с ними. Они множатся, взрываясь в городском пространстве, слишком стесненном, чтобы их сдержать» [3, с. 15]. Как правило, торговые центры становились «средоточием всей многообразной» городской торговли, определяя собой специфику сибирского города. Особенно ярко торговая инфраструктура проявлялась в ярмарочных городах региона Иркутске и Верхнеудинске. Гостиные дворы были центральной частью города также в Кяхте и Нерчинске.

В гостиных дворах была сосредоточена вся ярмарочная торговля. Сюда свозились товары, здесь производилась их оценка, реализовывались оптовые партии. До 1782 г. торговля вне стен гостинного двора вообще была запрещена. В целях безопасности и сохранности товаров в крупных городах региона деревянные гостиные дворы постепенно заменялись на каменные. Их массивные объемы наряду с высотными доминантами каменных храмов создавали своеобразный архитектурный ансамбль, придавая сибирскому городу некоторое изящество и неповторимый образ.

После того, как в первой половине XVIII в. в Иркутске сгорели два гостиных двора со всеми товарами, местные предприниматели решили собрать

капитал для постройки нового двора уже в каменном исполнении. Проект его был заказан только что приехавшему в Петербург из Италии архитектору Джакомо Кваренги. По словам последнего, этот проект стал одной из первых крупных работ, выполненных им в России [14, с. 150]. Гостиный двор представлял собой массивное каменное двухэтажное сооружение в виде замкнутого в плане квадрата с обширным внутренним двором и арочными галереями по всему внутреннему и наружному периметрам. В нем разместилось более двухсот торговых помещений. Кроме того, на втором этаже находилась просторная зала, служившая для торжественных церемоний и балов. В 1790 г. рядом с ним было построено здание каменного двухэтажного мещанского торгового ряда на 80 лавок.

Главным экономическим центром Верхнеудинска был деревянный гостиный двор на 40 лавок, возведенный в 1789–1791 гг. на средства местного купечества. В 1803 г. на его месте началась постройка каменного двора по проекту иркутского архитектора А. И. Лосева. По мнению крупнейшего знатока забайкальской архитектуры Л. К. Минерта, по лаконизму архитектурных средств и мощи художественного образа гостиный двор в Верхнеудинске был одним из лучших образцов торговой архитектуры в провинциальной России [17, с. 28]. Работа по его сооружению велась с большими перерывами и была закончена лишь к 1856 г., но уже в 1830 г. в наполовину построенном здании началась торговля. Гостинодворская площадь стала основным композиционным ядром центральной части города. Параллельно южному крылу гостиного двора построил свои торговые ряды купец М. К. Курбатов. Здесь же появились каменные купеческие особняки А. Шевелева, А. Титова, Д. Пахолкова, того же М. Курбатова.

Не меньшую роль в формировании торговой инфраструктуры играл гостиный двор в торговой слободе Кяхте. Уже к 1735 г. гостиный двор значительно расширили, увеличив число лавок до 44. С 1770-х гг. появляются проекты строительства каменного гостиного двора, реализованные спустя полвека. Еще планом города 1797 г. предполагалось разместить западнее стен крепости, на не застроенных еще землях, большую торговую площадь, центром которой должен был стать новый каменный гостиный двор. В 1799 г. был составлен проект двухэтажного гостиного двора на 35 больших и 12 малых лавок. В подготовке проекта участвовал столичный архитектор П. И. Висконти, один из создателей здания Фондовой биржи в Санкт-Петербурге. По разным причинам строительство было отложено. Вновь вопрос о сооружении гостиного двора в Кяхте был поднят в 1828 г. по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского. Общее руководство работами в 1837–1842 гг. осуществлял инженер-полковник А. А. Медведев. Монументальное здание кяхтинского гостиного двора было одним из красивейших сооружений подобного типа в Сибири. В плане оно представляло собой два огромных корпуса, построенных в форме замкнутых прямоугольников (один внутри другого) вокруг внутреннего двора. Над центральным фасадом с западной стороны возвышалась башня со шпилем. Всего в здании насчитывалось 73 лавочных и складских помещения

[19, с. 88–89]. Во внутреннем дворе его размещались пакгаузы для складирования привозимого из Китая чая. Следует пояснить, что кяхтинский гостинный двор предназначался только для крупномасштабных оптовых торговых операций и для складирования товаров, поэтому его архитектура заметно отличалась от обычных образцов. В 1865 г. казна передала гостинный двор в ведение кяхтинского купечества, после чего содержание и ремонт здания производился за их счет.

Первый деревянный гостинный двор в Троицкосавске был открыт в 1797 г. Он вмещал 3 малых и 30 больших лавок. В 1847–1853 гг. в восточной стороне городской площади вдоль главной улицы происходило строительство новых каменных торговых рядов. Новое торговое здание представляло собой прямоугольный в плане корпус с галереями вдоль длинных сторон. План города 1859 г. предусматривал возведение еще одного такого же корпуса торговых рядов, но этот проект не был осуществлен. Во второй половине XIX в. в разное время восточнее торговых рядов были построены несколько зданий, замкнувших пространство городского торгового центра.

Ярмарочная торговля носила сезонный характер, имела временные и пространственные рамки, являясь формой оптовой торговли. Она исключала широкие слои городского населения из непосредственных торговых операций. Основной торг происходил между крупными иногородними и местными предпринимателями. В этих условиях необходимым дополнением к ним становилась стационарная торговля, имевшая более продолжительные контакты между продавцом и покупателем. Ярмарочная сеть Байкальской Сибири была достаточно развита, при этом каждая ярмарка выполняла важную задачу, которая заключалась в том, чтобы необходимые товары из разных мест доходили до покупателя. Безусловно, городские ярмарки имели большое значение для региона, и обороты их были несравненно выше сельских. В то же время для крестьян ярмарка выступала еще и в роли культурно-массового мероприятия, где попутно приобретались необходимые мануфактурные изделия. Как правило, сельские ярмарки и торжки устраивались в воскресные дни и церковные праздники, что обеспечивало приезд в волостные центры крестьян из самых отдаленных деревень. Они отличались от городских своей особой организацией, ассортиментом товаров, социальным составом торгующих. Здесь складывались совсем иные отношения между покупателем и продавцом. Участники товарообмена были в основном выходцами из простого народа: крестьяне, городские обыватели и представители коренного населения. Сельские ярмарки являли собой важное первичное звено в ярмарочной сети региона. Главной функцией их было насыщение ближайшего рынка товарами местного производства, главным образом продуктами сельского хозяйства и крестьянских промыслов. Особенностью сельских торгов было также слабое развитие торговой инфраструктуры. Торговля на селе обходилась без значительных торговых и складских помещений, осуществлялась прямо с возов, из палаток или наскоро построенных лавочек, которые не отличались изяществом архитектурного строения.

В совокупности ярмарки Байкальской Сибири выстраивали сложную ярмарочную цепь, которая, с одной стороны, создавала ярмарочный механизм для насыщения регионального рынка необходимыми потребителю товарами и вывоза местной продукции в другие районы; с другой стороны, была связана со всероссийским рынком и распределяла потоки товаров в северные районы, на Дальний Восток и сопредельные азиатские страны. Торговля Байкальской Сибири, таким образом, носила разноуровневый характер. Она вплотную была сопряжена с ярмарочной торговой иерархией: международный уровень (торговля с Китаем, Монголией, Маньчжурией), в котором участвовали купцы первой гильдии; всероссийский уровень (торговля с разными регионами России, прежде всего с Москвой и Нижним Новгородом), объединявший купцов второй и третьей гильдий; региональный уровень предпринимательства, социальный состав которого был чрезвычайно пестрым.

Ярмарочная торговля носила сезонный характер, имела временные и пространственные рамки, являясь формой оптовой торговли. Она исключала широкие слои городского населения из непосредственных торговых операций. Основной торг происходил между крупными иногородними и местными предпринимателями. В этих условиях необходимым дополнением к ним становилась стационарная торговля, имевшая более продолжительные контакты между продавцом и покупателем.

О степени распространения постоянной торговли свидетельствовало большое количество лавок в ведущих городах Иркутской губернии. В Иркутске уже в конце 1780-х гг. действовало два гостиных двора с 467 лавками, хлебный рынок, где находилось 67 торговых точек, 13 харчевен, мясные и рыбные ряды. Современники справедливо называли его «средоточием всей многообразной Сибирской торговли, через который проходят или провозят разные товары, как следующие из России в Кяхту, в Якутск и в Камчатку, так и отправляемые из многих мест в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки лучшие пушные и также разные китайские товары» [29, с. 32].

Значительное количество лавок гостиных дворов говорило в основном о высокой степени развития оптовой торговли. Большинство из них действовали только в период ярмарок, а в остальное время пустовали или использовались под складские помещения. Так, в 1823 г. в Иркутске из 146 лавок купеческого гостиного двора было занято товарами 110, в мещанском ряду – 58 из 73, а торговля производилась всего в 13 лавках [16, с. 152]. Розничная же торговля велась на торговых рынках и в рядах, а также в лавках под домами. С 1767 г., когда горожане получили право открывать лавки при своих домах, их численность быстро растет. В начале XIX в. в Иркутске насчитывалось до 30 каменных купеческих домов, первые этажи которых были предназначены для лавочной торговли. Всего, по данным А. Мартоса, в Иркутске при домах числилось 108 лавок, 18 погребов, 13 шкафов. Кроме них, 30 лавок находилось в мясном ряду, 26 – в рыбном, на мелочном рынке – 35 лавок, 24 шкафа, 110 балаганов, 96 столов [16, с. 152–153].

Вокруг верхнеудинского гостиного двора сформировалась торговая площадь, на которой размещались торговые ряды и лавки М. Курбатова, А. Шевелева, Д. Пахолкова, а также кузницы, мясной ряд и хлебный рынок. К наиболее крупным магазинам того времени относились торговые ряды купца М. К. Курбатова, возведенные в начале 1830-х гг. «Дом с лавками» представлял собой одноэтажный корпус с двухэтажным объемом посередине. По главному фасаду вдоль одноэтажной части, предназначенной для торговых помещений, на каменном ступенчатом стилобате тянулась крытая галерея с колоннами. Всего в рядах Курбатова сдавалось внаем 16 лавок. Кроме того, в городе были винные магазины, питейные дома и амбары для хранения товаров. В 1838 г. торговую инфраструктуру в Верхнеудинске составляли три провиантских, два винных, два соляных магазина, три питейных дома, съестной рынок и два гостиных двора на 74 торговые лавки [19, с. 69].

Оживленная торговая жизнь кипела в Кяхте. Кроме оптовой торговли, здесь значительное развитие получила мелочная торговля, в которой участвовало значительное количество забайкальских жителей. В гостиных дворах Троицкосавска и торговой слободы насчитывалось 123 лавки. Кроме них, на мелочном и съестном рынках торговля производилась из 45 лавок, двух лавок хлебного амбара, соляного и провиантского магазинов, пяти питейных домов и двух погребков с виноградным вином [30, с. 276]. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. В 1850-х гг. торговый оборот градоначальства составлял более 30 млн руб. в год, а в обоих населенных пунктах (с Троицкосавском) проживало в 960 домах почти 5,5 тыс. человек. Здесь официально было зарегистрировано 58 торговых фирм. В 1862 г. только в самой торговой слободе состояло 276 купцов и находилось 165 торговых лавок [12, с. 141].

Торговые обороты малых городов Байкальской Сибири были невелики. Годовой оборот Киренска в середине 1850-х гг. составлял всего около 30 тыс. руб. В то время как летом мимо города на 53–55 судах сплавлялось различных товаров на 580 тыс. руб. и более. В Нижнеудинске в 1857 г. было три больших постоянных двора, семь малых и 11 мелочных лавочек. Но город после объединения с расположенной на левом берегу р. Уды Подгородной слободой быстро рос. В 1865 г. в нем насчитывалось уже 546 жилых домов, 8 складских магазинов, 47 торговых лавок [26].

На фоне постепенного сокращения торговли из лавок и складов гостиных дворов заметнее выступает роль магазинной торговли, специализирующейся на определенных группах товаров, что увеличивает возможность выбора для горожан, содействует формированию потребительского спроса. Число мест постоянной торговли росло на протяжении всего периода. По данным иркутской торговой депутации, в 1828 г. в городе было 396 постоянных мест торговли, в том числе 192 лавки и 204 более мелких заведения (балаганы, столы, шкафы, лари). В 1843 г. в губернском центре действовало 177 торговых лавок, 247 кладовых лавок и магазинов, 230 столов, шкафов и балаганов, 16 лавок при домах, 6 ренсковых погребов, 1 ресторация, 2 харчовки, 70 постоянных и доходных дворов. Всего 749 торговых точек [8,

л. 16]. Но и это было еще не все. В перечень не попали трактирные заведения, лавки мясного и рыбного рядов. Кроме того, в статистику практически не включалась разносная торговля, продажа товаров с лодок и возов. Так, по данным за 1857 г., в Иркутске около 170 человек занимались мелочной и развозной торговлей.

В середине XIX в. количество торговых заведений Иркутска превышало показатели Тобольска, Томска и Тюмени, вместе взятых [7, с. 570]. Из более чем полутора тысяч мест стационарной торговли, что насчитывалось в городах Байкальской Сибири к середине XIX в., почти половина находилась в губернском центре. В среднем приходилось по одной лавке на 20 горожан. Более высокой степени коммерческого сервиса не было ни в одном другом сибирском городе. Да и в России подобных торговых городов было не так много. Словом, как отмечал М. Александров, «торговля и нажива – вот два термина, которые ярко блистали на горизонте иркутском в то время и в центре которых, как в фокусе зажигательного стекла, сосредоточивались жизнь и жизненная деятельность» [11, с. 416]. Следует сказать также, что развитие специализации в торговом маркетинге важно не только для самой торговли, но и для «формирования ценностных социальных категорий городской культуры, ибо она создает материальную основу избирательности горожанина как поведенческой привычки» [20, с. 6]. В Иркутске каждый покупатель мог найти свой товар соответственно своим доходам и потребностям.

Весь оборот внутренней торговли Байкальской Сибири в первой трети XIX в. превышал 13 млн руб. Однако товаров проходило через город значительно больше, чем он мог потребить. В 1828 г. через Иркутск в разных направлениях прошло почти 43 тыс. возов и 54 судна с российскими, сибирскими и китайскими товарами. Весь поступивший в город товар оценивался примерно в 30,5 млн руб. Львиная доля товаров приходилась на внешнюю торговлю, ведущие позиции в которой занимал российский капитал. Отправлено из Иркутска дальше товаров на 10,9 млн руб., остальная же товарная масса предназначалась для реализации в торговой сети города и губернии. Внутренняя торговля в Прибайкалье была представлена суммой в 8,8 тыс. руб. [1, с. 320–321, 365–366]. Кроме того, обороты внутренней торговли в Забайкалье составляли около 4,8 млн руб. [27, л. 75–76].

Четкой специализации среди торговцев не наблюдалось. Купеческая торговля носила смешанный характер и отличалась использованием всех форм торговой деятельности. Даже первогильдейское купечество сочетало оптовую торговлю с розничной, а через своих агентов развозило товары в самые отдаленные уголки губернии. Для развития рыночных связей важен ассортимент товаров, которые присутствовали на местном рынке. Если попытаться обобщить и выделить самые ходовые товары на сибирском рынке, которые способствовали быстрому обращению капитала и, следовательно, придавали особый динамизм экономической жизни, то в первую очередь это будут «съестные припасы». В силу сибирского бездорожья и протяженности торговых путей экономически было невыгодно подобные товары экспортировать из Сибири в европейскую часть России. Так как хлебный рынок Си-

бири определялся только внутренним спросом и колебаниями урожайности, то уже в конце XVIII в. предложение хлеба на местном рынке заметно превышало спрос, снижая цены, что отнюдь не стимулировало процесс интенсификации земледелия и в целом сельского хозяйства.

Излишки продукции крестьянских хозяйств реализовывались на небольших сельских ярмарках и торжках, а в городах – на хлебных или толкучих рынках (как правило, в воскресные дни, а зимой почти ежедневно). С городским рынком непосредственно было связано лишь крестьянство ближайшей округи, подавляющая же масса сельских жителей прибегала к услугам перекупщиков. Фактически вся хлебная торговля находилась в руках скупщиков. Купечество закупало хлеб в селах через своих агентов или подставных лиц. Часто в роли скупщиков выступала богатая верхушка деревень. В 1820 г. губернские власти констатировали, что «зажиточные крестьяне из корыстных видов захватывают в одне руки все избытки хлеба» [4, с. 357]. В результате перекупных операций резко сократилась свободная хлебная торговля в Иркутске. Если в конце XVIII в. на местный рынок привозилось от 200 до 400 возов с хлебом, то в первые десятилетия XIX в. подвоз его значительно упал, а цены возросли. Крупнейшим потребителем хлеба являлась казна, закупавшая его для снабжения воинских частей, населения Нерчинского горного округа, казенных винокуренных заводов, дальневосточных окраин. Пытаясь бороться с хлебной монополией перекупщиков, администрация предпринимала меры к ограничению их деятельности, конфисковала незаконно приобретенный хлеб. Наиболее остро эта борьба развернулась в бытность иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, при котором «вся почти внутренняя торговля была в зависимости от чиновников». Фактически вместо купеческой хлебной монополии была введена чиновничья, которая также сопровождалась грабежом и притеснением народных масс. Меры, введенные Трескиным, тормозили развитие внутренней торговли, ограничивали предпринимательскую деятельность крестьянства. Поэтому одним из первых шагов новой администрации, возглавляемой М. М. Сперанским, было издание в 1819 г. «Предварительных правил о свободе внутренней торговли» для всех слоев сибирского населения. Этот указ расширил возможности поступления крестьянских товаров на городской рынок, способствовал развитию межрайонных рыночных связей, поскольку отменял все внутренние сборы и пошлины.

Помимо хлеба, важное место в рационе жителей Иркутской губернии занимали мясо и рыба. Основным потребителем этих продуктов был Иркутск. На его рынок поступало около 75 % всей добываемой в крае рыбы. Центром рыбопромышленности был Байкальский бассейн. В первой половине XIX в. здесь добывалось более трети годового сибирского улова рыбы. Наряду с крестьянским рыболовством, носившим в основном потребительский характер, широкое распространение на Байкале получила промышленная добыча рыбы с последующей ее переработкой и продажей на местных рынках. Рыболовный промысел требовал совместных усилий многих людей. Всего в рыбопромышленности на Байкале было занято около 3–4 тыс. чело-

век. Из Иркутска омуль развозился по всей Восточной Сибири и за ее пределы. Общие доходы от продажи рыбы достигали почти 600 тыс. руб. [15, с. 41].

Торговля мясом была монополизирована небольшой группой иркутских купцов. В первом десятилетии XIX в. вся мясная торговля в Иркутске была отдана на откуп купцам Ланину, Попову, Кузнецову. Иркутск постоянно испытывал недостаток в мясной продукции. Скот в основном закупался в Красноярском округе и в небольшом количестве в Забайкалье. Широко практиковался перекуп скота. Мясопромышленники иногда искусственно создавали дефицит мясопродуктов, чтобы поддержать высокие цены. Используя значительную разницу между покупной и продажной ценами (туша стоила в Иркутске 14–15 руб., а приобреталась за 4–5 руб.), торговцы получали до 10 % чистой прибыли. О размере ежегодного потребления мяса в губернском центре можно судить по тому, что в 1833 г. в Иркутск было доставлено на продажу 7650 голов рогатого скота. Кроме того, у иркутян находилось до 1700 голов рогатого скота и около 1 тыс. лошадей [31].

Винная и соляная торговля осуществлялась, как правило, в форме подрядов и откупов. Она составляла сферу деятельности крупного капитала. Мелкое купечество, мещане и крестьяне участвовали лишь на стадии транспортировки и реализации. Распределение откупов находилось в ведении правительства, отдававшего их преимущественно дворянству и крупнейшему купечеству центра. Но все же сибирскому купечеству удавалось проникать в винные откупа. Среди винных откупщиков мы встречаем таких известных иркутских купцов, как Баснины, Солдатовы, Сибиряковы, Игумновы, Киселевы и др. Винная продажа производилась через разветвленную сеть питейных домов, погребков, выставок, подвалов, охватывающих все населенные пункты губернии. В Иркутске еще в 1730 г. было около 10 трактиров, которые вопреки распоряжениям правительства были полны людей все ночи напролет. В архивных документах сохранились яркие и меткие названия иркутских кабаков конца XVIII в.: «Каменный подвал», «Дворянка», «Новый», «Разгуляй», «Залупаиха», «Косоголиха», «Зырянка», «Аптека», «Большой», «Облупа», «Прилука», «Девкин», «Тычок» [32, с. 503].

В конце XVIII в. торговля вином в Иркутской губернии велась в 257 питейных домах и выставках, а чистая прибыль составляла до 500 тыс. руб. [9, л. 7 об.–8]. Число специализированных мест для продажи спиртных напитков постоянно росло. Если в 1830-х гг. в Иркутске вино продавалось только в 19 питейных домах и гербергах, то спустя полвека в городе действовало 4 водочных завода, 9 оптовых складов, 110 харчевен и 36 кабаков, где можно было приобрести спиртные напитки навынос и распивочно. Заведения эти принадлежали 39 хозяевам, среди которых наиболее крупными были иркутские купцы Осокин, Попов, Ожигов и Мальмберг. Также через подряды осуществлялись развозка и продажа соли по губернии. В 1824 г. было реализовано около 186 тыс. пудов соли, а доход от ее поставок оценивался в 300 тыс. руб. Торговля производилась в 68 магазинах и стойках.

Основным товаром, с которым выходило сибирское купечество на внешний рынок и на российские ярмарки, была пушнина. Скупщики и аген-

ты купцов собирали ее в кочевьях инородцев, по местным торжкам и ярмаркам, а затем перепродавали представителям крупных оптовиков. Оказавшийся в августе 1787 г. в Иркутске американец Дж. Ледиард, со слов иркутских купцов, записал, что в разных частях Америки находится до 2 тыс. русских промышленников. Он же отзывался о них как «об очень интересных и смелых людях». «Некоторые из них, – писал Ледиард, – побывали до этого в устье Енисея, другие – в устье Лены или на Колыме. Едва ли найдется такое место на севере или востоке, где бы не был кто-либо из них» [2, с. 183].

В начале XIX в. торговлей пушниной в больших размерах занималось 13 иркутских купцов. Среди них были Ф. Медведников, закупавший до 250 тыс. белок, П. Трапезников – 128,6 тыс., В. Сухих – 130 тыс., П. Солдатов – 130 тыс., И. Малышев – 160 тыс. и др. Всего ими было закуплено более 1 млн беличьих шкур, главным образом ангарских и ленских. Более половины их (53,3 %) было променяно в Китай, остальные продавались на Иркутской и Ирбитской ярмарках. Иркутское купечество было основным поставщиком пушнины на китайский рынок. В сентябре-октябре 1822 г. в Кяхту было доставлено около 1,3 млн белок, из которых 80 % принадлежало иркутским купцам Медведниковым (471 тыс.), Трапезниковым (271 тыс.), Сибиряковым (329 тыс.) [22, л. 213–213 об.].

Таким образом, решающая роль в развитии экономической жизни городов Байкальской Сибири и создании местных меновых связей принадлежала внутренней торговле. Увеличение ее объемов способствовало расширению социального состава торгующих, развитию в городах региона разветвленной торговой инфраструктуры, росту потребительского спроса.

В течение всего рассматриваемого периода в Байкальской Сибири шел процесс формирования местных торговых связей. Пушные ресурсы Сибири и торговля «мягким золотом» постепенно включали ее в общесибирский товарооборот, делая неотъемлемой частью России. Тем не менее именно формирование торговых связей вокруг городских центров определяло степень развития городов региона, их рыночную инфраструктуру и своеобразие. Расширение рыночных отношений в той или иной степени содействовало открытости экономики. На практике это означало установление добровольных и взаимовыгодных обменных процессов как внутри локальных территорий, так и между ними. Образование устойчивых межрайонных связей способствовало формированию регионального рынка.

Внутренняя торговля Байкальской Сибири носила многоуровневый характер. Различные формы торговли не подавляли, а дополняли друг друга. Стационарная торговля обслуживала города, развозная – сельскую местность, а ярмарки соединяли регионы Сибири в единый хозяйственный комплекс. Господствующей формой торговли на протяжении всего указанного периода была ярмарочная, охватывающая все экономическое пространство Байкальской Сибири системой торговых цепочек от оптовых узловых ярмарок до мелких сельских торжков и базаров. К середине XIX в. все заметнее становится роль стационарной торговли, лучше отвечающей повседневному потребительскому спросу городского населения.

Развитие торговли в городах Байкальской Сибири привело к заметному изменению их архитектурного облика. Центрами городских поселений становились торговые площади, доминантой которых выступали монументальные массивы каменных гостиных дворов. Конечно, такие деловые кварталы появлялись только в наиболее значительных торговых центрах региона. В массе малых городов и сельских поселений торговля происходила в небольших деревянных торговых рядах либо вообще на торговой площади.

Список литературы

1. *Богашев В.* Иркутск в статистическом отношении // Сын Отечества. – 1833. – Т. 35, № 20. – С. 320–321; 365–366.
2. *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость. 1775–1783 / Н. Н. Болховитинов. – М. : Наука, 1976. – 272 с.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1988. – 632 с.
4. *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. / В. Вагин. – СПб. : Тип. II отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1872. – Т. 1. – 801 с.
5. *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. / О. Н. Вилков. – Новосибирск : Наука, 1990. – 368 с.
6. Военно-статистический сборник. – СПб. : Воен. тип., 1871. – Вып. 4: Россия. – 235 с.
7. *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири. В 3 ч. Ч. 2 / Ю. А. Гагемейстер. – СПб. : Тип. II отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1854. – 697 с.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 5654.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 5308.
10. *Евдокимова С. В.* Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XX вв. / С. В. Евдокимова. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. – 248 с.
11. Записки иркутских жителей / сост., прим. и послесл. М. Д. Сергеева. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 544 с.
12. *Жиров А. А.* Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири : сб. ст. / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул, 2005. – С. 139–172.
13. *Ионин А. А.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. / А. А. Ионин. – Иркутск : Типо-лит. П. И. Макушина, 1895. – 252 с.
14. *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. / А. Н. Копылов. – Новосибирск : Наука, 1974. – 252 с.
15. *Курбатов А.* Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1841. – С. 174–182.
16. *Мартос А.* Письма о Восточной Сибири / А. Мартос. – М. : Университ. тип., 1827. – 296 с.
17. *Минерт Л. К.* Памятники архитектуры Бурятии / Л. К. Минерт. – Новосибирск : Наука, 1983. – 192 с.
18. *Паликова Т. В.* Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т. В. Паликова. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. – 310 с.

19. Резун Д. Я. Городские ярмарки Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Ярмарки Восточной Сибири / Д. Я. Резун, О. Н. Беседина. – Новосибирск : Наука, 1993. – 140 с.
20. Резун Д. Я. О некоторых исторических категориях городской культуры Сибири XVII–XIX в. // Роль Сибири в истории России. – Новосибирск, 1993. – С. 3–12.
21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 19. Госархив, финансы. Оп. 1. Д. 40.
22. РГАДА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 84а.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 18. Оп. 4. Д. 129.
24. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 54.
25. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664.
26. РГИА. Ф. 1287. Оп. 42. Д. 494.
27. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 503.
28. Сибирская торговля в XIX – начале XX в. : библиогр. указ. отечеств. лит. / Б. К. Андрющенко, В. П. Зиновьев, В. А. Скубневский, А. В. Старцев ; ред.-сост. Б. К. Андрющенко. – Томск : Изд-во ТГУ, 1994. – 128 с.
29. Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири / Н. В. Семивский. – СПб. : Воен. Тип. Гл. Штаба Е. И. В., 1817. – 230 с.
30. Статистические сведения о Кяхте и Троицкосавске // ЖМВД. – 1837. – № 10, ч. 26. – Л. 276.
31. Трапезников Н. О состоянии г. Иркутска в 1836 г. // Иркут. губерн. ведомости. – 1858. – № 17.
32. Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия. В 7 т. Т. 3. Кн. 1: Сибирские торги и товары / М. Д. Чулков. – СПб. : Император. Акад. наук, 1785. – 632 с.
33. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 256 с.
34. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. В 2 т. Т. 2. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII в. / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. – 673 с.

Commercial Business in the Cities of Baikal Siberia in the XVIIIth – the First Half of the XIXth Centuries

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers establishing of the commercial business in the cities of Baikal Siberia. The author examines formation of the trade relations in the region and involvement of the local economy in the trans-regional market relations. The author analyzes main forms of the commercial business like retail delivery trade, fair trade, stationary trade. It is proved that at the relevant time fair trade prevailed over. Baikal Siberia fairs formed a complex chain which, on the one hand, formed a mechanism of market saturation with goods, demanded by consumers, and exporting of local products to the

other areas, on the other hand, it related with a nationwide market and distributed the goods to the northern territories, to the Far East and the neighboring Asian countries. The author revealed that fair mechanisms were gradually replaced by more progressive elements of the stationary trade and Irkutsk was the main center of good distribution in the whole Siberian trade. The commercial business development influenced formation of the trade infrastructure in the Siberian cities with business districts, indoor market, and market places as trade centers.

Keywords: Baikal Siberia, Irkutsk, merchants, indoor market, trade, fairs, market, goods.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: wodalis@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: wodalis@yandex.ru*